

Денисенко Лидия Ивановна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "

В девичестве Гущина. Живу в Санкт-Петербурге с 1952 года. Основная профессия – старший бухгалтер. С мужем прожила 52 года, самой мне уже 80 лет. Есть дочь, зять. Сейчас живу с ними. Два внука, уже взрослые и живут отдельно.

Возможно, я еще напишу о своей жизни вообще, но здесь мне хочется написать лишь о Великой отечественной войне. Немного рассказать о событиях до её начала и о ее последствиях

"ВОСПОМИНАНИЯ"

Зеленцы

Я 1933 года рождения из деревни Зеленцы Чудовского района Новгородской области. Помню себя лет с пяти. Помню свою деревню, которая расположена между железной дорогой от Чудово до Волховстроя на расстоянии около километра и реку Волхов километрах двух-трех.

В деревне было две улицы. Одна длинная, прямая, другая маленькая. Маленькая называлась Забегаловкой, на ней стоял наш дом.

Второго июня 1941 года мне исполнилось 8 лет. Я очень хорошо помню наш дом: чистый двор, помещения для животных. И животных помню, огород: что росло, где стояли ульи пчел. Помню нескольких соседей: Максимовых, Олехиных, Матюниных, Кабановых, Мосиных, Ефимовых. Помню Деткову Веру – мою подругу.

Недалеко от нашего дома было овощехранилище. Большая постройка, крыльцо до земли, с которой мы зимой катались на санках или на попе.

Своих родителей вижу, как сейчас. Папа железнодорожник, работал в Чудово III стрелочником и дежурным по станции. Мама -- домохозяйка. Им по 38 лет. Бабушка Маша – мать папы. Нас пятеро детей: Саше 12 лет, Лене 5, Толе 2,5г., Коленке 6 месяцев.

Мы, трое старших, встречали папу с работы. Он приезжал коротеньким поездом, такой поезд назывался трудовой.

Лето. Мы бежим босиком по тропинке. Поезд тормозит, папа спрыгивает, мы вешаемся на него. Берем: кто фонарь, кто флажки, кто свисток, а на меня он надевал фуражку. Потом раздавал гостинцы: баранки, петушки, иногда и арбуз привозил.

Дома полный порядок. Мама с бабушкой справлялись и с хозяйством, и с детьми. Мама много шила, мы все были хорошо одеты. Вкусно покормлены и получали много внимания. Ходили с папой на рыбалку. Когда родители уходили на покос, мы им носили еду. Бабушка приготовит: хлеб, сало, яйца, лук, молоко. Мы несем, а там вместе с родителями улетаем. Вечером купались. Просто блаженство. Перед сном папа рассказывал нам о своей работе. Саша читал, а мама пела колыбельные. Она вообще любила петь.

Я знаю, что в то время в каждой деревне был престольный праздник: Иванов день, Петров день, Ильин день, Покров. А в нашей деревне Спасов день, Яблочный. К нам приходило много гостей, родственников. Два брата мамы -- Федор и Тимофей с семьями, бабушка Катя, их мать и сестра папы Паня с сыном Сашей.

В праздник за столом мы, дети, никогда не сидели. Нас заранее кормили и отправляли на улицу. Там мы играли в разные игры: кто-то по старинке в «лапту», в «попа-загоняла», в «прятки».

Помню, какие песни пели взрослые:

«Ярмак», «Ревела буря», «Из-за острова на стрежень вспомнило», «Стенька Разин», «Степь да степь кругом», «Хасбулат удалой», «Шумел камыш, деревья гнулись», «На закате ходит парень возле дома моего», «Заиграли, загудели провода, мы такого не видели никогда. / Нам такое не приснилось во сне, чтобы солнце загорелось на сосне ...».

Мама очень любила «Вечерний звон».

Война

А вот и 22 июня 1941 года. Война.

У кого-то детство до пяти

У кого-то аж до двадцати

Я же помню детство в пять и восемь

Когда на нашу землю немец

бомбу сбросил.

Вечером какого дня, не помню¹, папа, собираясь на работу, прощался с нами, как никогда. В доме суета. Бабушка плакала. Мама отца проводила, нас не взяли. Вернувшись, мама куда-то ходила; легли спать. А утром нас разбудили и суетно стали собирать. Надевали новую одежду и много. Мама сказала, что все жители деревни должны уйти на ту сторону Волхова.

Выходим на улицу, а там очень много людей. Крики, плач детей. Подводы² с вещами, детьми. Ехали и шли к реке. Леню и Толю посадили в телегу. Бабушка несла Коленьку, мама с Сашей - узлы. Я свой красный чемоданчик и корзиночку, в которой была бутылочка с молоком и пряники. Было очень жарко. На берегу реки расположились под кустами в тенечке.

Мужчины организовали переправу на тот берег. Лодок мало, делали плоты. Всех переправить не успели. Оставшихся, нас в том числе, застали немцы и под автоматами вернули в деревню. Никакой стрельбы не было, а потом началось. Немцы отсюда, наши оттуда. Месяца три мы жили в своем доме. О папе не знали ничего.

Пришли немцы забирать скотину. Когда вывели со двора корову Буренку, мама с бабушкой плакали, но у нас оставалась Зорька, молоденькая. А когда

¹ Новгородскую область оккупировали в августе 1941, оккупация длилась 2,5 года -- прим. ред

² Подводы - телеги запряженные лошадьми

пришли за Зорькой, мама повисла на рога и кричала так, что я и сейчас это слышу. Фриц пнул её автоматом, она упала. Мы старшие, уцепились за маму, плачем, а бабушка с маленькими в доме.

Немцы дергают за веревку, а Зорька уперлась и не идет. В это время вышла бабушка, она перекрестила Зорьку и та пошла, а мы все вернулись в дом и долго плакали. А потом немцы и кур забрали.

Голод

Начался голод. Огород засажен, но надо было выбирать момент, чтобы под пулями накопать картошки. Стрельба, снаряды, дома горят. Люди стали уходить в лес дальше отсюда. Волхов стал линией фронта.

В наш дом попал снаряд, дом горит. Мы укрылись в окопе. Ни еды, ни воды. Маму ранило в плечо. Саша под пулями пополз к немцам за помощью. Пришел офицер с переводчиком. Мы все плачем, мама в истерике. Вот её крики: Расстреляйте нас! Куда мне с ними!

Перевязали маме руку, принесли нам поесть и обещали, как утихнет стрельба, отвезут нас подальше отсюда. Через несколько дней отвезли на лошадке через лесок в другую деревню Курников, а там тоже все сожжено дотла.

Зима, сильный мороз. Переночевали в каком-то разбитом доме. Мама решила добираться до гумен³, которые находились среди леса на полянах. Она знала эти места. Это дощатые сараи, в которых раньше трепали лен.

Ноябрь месяц, был сильный мороз и много снега. Через эту деревню проходила дорога до поселка «Пионер». Дорога прочищена, но узкая, в одну сторону. Мама с Сашей пошли по деревне искать санки, не нашли. Притащили крышку от сундука, привязали веревку, посадили Леню и Толика и тащили. Мама с больной рукой. Бабушка несла Коленьку, а я ползла рядом. Было холодно и страшно.

Жужжали самолеты, строчили. Рвались снаряды, а нам навстречу идет с таким гулом немецкий танк. Дуло все ближе и ближе, вой. Нам отвернуть некуда,

³ Гумно — огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, предназначенный для хранения, молотбы, веяния и другой обработки зёрен хлеба

сугробы. Мы встали в кучку, дрожим. Плакать не было сил. И вот чудо! Танк попятился в сторону. Крик немца: Шнель! Мы не могли сдвинуться с места. Проползли, а впереди еще один танк. Ну уж этот-то не пропустит. Ан нет. Сделал тоже самое. Бабушка помолилась. Саша возмутился. А бабушка сказала, что она помолилась не за немца, а за человека.

Мы доползли до первой поляны. Этот сарай битком. Среди двухъярусных нар люди стояли вплотную. Нам нашлось местечко в третьем сарае. Это было дальше, а людей поменьше. Нам помогли сделать нары. На полях стояли стога сена, соломы. Настелили сено и им же укутывались, прятались в него от холода. У мамы пропало молоко, да еще и рука загноилась. Еды никакой. Коленька умер, похоронили в снегу под елочкой.

Что же мы ели? Почки, сережки деревьев. Кору березы мололи на жерновах. Пареное сено замешивали этой мукой из коры и пекли лепешки. Как-то кто-то поджег двор с немецкими лошадьми под Пионером. Двух стариков немцы повесили. А другие старики распилили тушку коня, притащили это печеное мясо и с сеном как-то варили.

Иногда заезжали на мотоцикле немцы. Они искали женщин и девочек по ночам. Был случай, когда девочку 15-ти лет утащили, а дедушку ранили в ногу. Маму мы прятали под сеном у нас в головах. Мы лежали головами на ней, а немцы: «Киндер, киндер» и дальше шли.

Собака

Так мы продержались до весны 1942 года. Появилась трава, в лесу подснежная клюква. Травами маме вылечили руку. Но у нас умер Толенька, ему было 3 год. Похоронили под той же елочкой в землю, вместе с Коленькой.

Лёне было 6 лет, но он уже плохо ходил. Кстати, мы не мылись месяцев шесть. Вши, у меня были язвы на ногах. Нас нашла тетя Паня, сестра папы. Увела бабушку ближе к Чудову, а позже и мы перебрались. Там было страшнее, но можно было что-то найти поесть, хотя бы на помойках. Иногда просили у немцев хлебца: «Комрад, гибен бите аин маль брод?». Иногда давали, но и к Сталину посылали.

Однажды мы с Лёней пошли к немецкой казарме. Там собирались старики и дети. Некоторые немцы давали что-либо, а другие выгоняли. Лёня зашел в казарму и попросил хлеба, ему дали. Он нашел меня и шепчет, что ему дали буханочку. У них были, такие маленькие в прозрачной бумаге. Мы отошли в сторонку, чтобы отломить. Там оказалась деревяшка.

Леня пошел обратно и бросил. Вдруг выбегает большая собака и за руку тащит и треплет Лёню, а он орет. Все замерли, я тоже. Лёне 6, а мне 9 лет. Эта собака так его трепала!

Выходит офицер, высокий, в галифе, сапоги длинные, блестящие со шпорами. И так важно свистнул, собака оставила Лёню. Все разбежались, а я подошла к нему. У него рука в крови и вся, которая и без того была рваная и грязная. Я сняла с головы платок, замотала руку.

Идем и плачем. Навстречу два немца: «Киндер, вас ист дас?». Повели к себе. Я осталась, а Лёню увели в другую казарму. Выходит, улыбается, рука перевязана. В другой руке большая банка с ручкой полная густого супа, а в моем платке завязаны куски хлеба. Велели и завтра приходиться. Так мы ходили несколько дней. Лёне перевязывали руку и давили еду. Потом они переместились.

Чудово

В начале лета 1942 года мы перебрались под Чудово к висячему мосту. Там уцелел железнодорожный барак. Помню Оленичевых и Ёлкиных. Там тоже нам не было места, и поселились в сельскохозяйственный сарайчик. Кругом лес.

Мама с Сашей делали метлы, а мы Лёней носили их к немцам и просили хлеба. Некоторые давали, а большинство этой же метлой нас и гнали. Саша с мамой не ходили метлами, так как их могли забрать и отправить в Германию, особенно Сашу. Молодежь угоняли, а ему было 13 лет.

Немцы чувствовали, что наши войска уже хорошо держали оборону и готовились к наступлению. Постоянно бомбили, летели, рвались снаряды. Мы жили возле железной дороги. Но в наши сараи даже не один осколок не попал. Но какой это был ужас! Мы голодные, еле ходим, а надо было промышлять, чтобы что-то пожевать. От бомбежки уже и не бегали, а сядем в канаву и голову в траву.

Все переболели брюшным тифом. Немцы, хотя не давали никакой еды, нас лечили. Увозили в Чудово на Некрасовскую улицу. И всех нас вылечили.

А в конце 1942 – начале 43г. увезли в Литву. Ночью приехали на грузовых машинах, скомандовали: Шнель, шнель! Собирать нам было нечего, спали одетыми. Привезли в Чудово, погрузили в товарные вагоны битком. Уже был мороз. Помню, в углу вагона была обледеневшая дырка, в которую мы ходили писать и

По дороге несколько раз бомбили, останавливались. Какие-то вагоны горели. Помню крики людей и немцев. Трещали автоматы. Некоторые, кто мог, пытались бежать. Потом опять везли дальше, а мы не знали куда.

Литва

Привезли в Литву, станцию не помню. Выстроили на платформе по семейным кучкам, а литовцы выбирали себе работников. Один раз в день загоняли в холодное помещение, видимо вокзал. Кормили баландой и опять до вечера на платформу, а на ночь в это помещение.

Нас выбрал хозяин только на третий день. На лошадке в санях привез нас к себе на хутор. Завел в дом. Нас встретила хозяйка. Дала нам тканную одежду и отправила мыться. Всю нашу одежду тут же сожгли. Мылись мы не в бане, а что-то подобное. Главное тепло.

Мама попросила по кусочку хлеба. Хозяйка принесла и еще кувшин молока, сказала, что много сразу нельзя. Мне хотелось там же и уснуть. Чистыми нас привели в дом, показали комнату, где мы будем жить.

В первую очередь мы увидели - стол накрыт кушаньем. Это сказка: из большой миски с картошкой идет пар, а сверх картошки еще и шкварки, запах! Большой круглый хлеб и молоко. Наше состояние описать невозможно. Полтора года под Чудовом мы так изголодались! Нам бы хлеба с водичкой, а тут. Хозяйка стояла, плакала, утираясь передником. Она пыталась объяснить маме, чтобы она нас остановила, мол можно заболеть. Мы проспали почти сутки. Я с мамой, Сашей и Лёней на деревянных кроватях, подушки, одеяла. Лёня описался.

Мама с Сашей работали по хозяйству. Мама доила коров, Саша чистил лошадей, убирали дворы. Мама еще и ткала на станке. Она умела это делать. Я занималась с девочкой 10ти месячной Зюзаной. Играла, качала в колыбельке и одновременно училась вязать носки. Мама начнет, а я продолжаю. Так и научилась. Связала за зиму пар пять.

Там нам жилось отлично. Мы поправились, нас одели. У меня было красивое тканое платье в клетку. Все носили деревянные колодки разукрашенные красиво. Если б так дожить здесь до конца войны! Но немцы стали увозить в Германию.

Германия

Приехали, погрузили в вагоны. По дороге нас несколько раз высаживали. Значит так: заходим строем в помещение с длинным коридором. Раздеваемся, кладем свою одежду по порядку кучкой. Идем дальше, и тебя стригут с головы и везде. Взрослых, детей, всех подряд. Потом идет под вонючий дождик – обработка. Немного обдует теплый ветерок и выходим в другой коридор. Одеваемся в прожаренную одежду, которая лежит по порядку, в каком ты раздевался.

Еще помещение с длинным столом. Скудненько покормили и в другие чистые вагоны. Это повторялось раза два еще. Привезли в лагерь под Горислау. Взрослых отдельно от детей. Мама с Сашей в одной казарме, а мы с Лёней в другой. Мне 10 лет, Лёне 7. Мама приходила к нам один раз в неделю. Их водили под конвоем на разные работы. Это был март 1943 г.

Нас никуда из помещения не водили. Спали на нарах. Детей много и все разного возраста. Вначале кормили ничего, делали какие-то уколы. Мы чувствовали себя неплохо, но вокруг нас много детей было очень больных. В помещении стоял жуткий запах. Когда нам перестали делать уколы, стало хуже, кружилась голова. Кормили одной баландой.

Только позже мы узнали, что у нас брали кровь, так как после Литвы, мы были здоровенькие, а там слабели с каждым днем. Я видела, как умирают дети и понимала, что мы не выживем.

Однажды пришла мама, плакала, не выдержала. А раньше говорила, что все будет хорошо. Скоро это кончится, потерпите немного. На этот раз она сказала, что долго к нам не сможет прийти, но потом заберет нас отсюда.

Позже выяснилось, как все произошло. Среди немцев были не все фашисты, а большинство, особо мирного населения, много добрых людей. Оказывается, мама близко познакомилась с надсмотрщицей, которая сопровождала их на работы. Звали её Эмма.

Взрослых, в том числе и маму с Сашей отобрали на работы в хозяйство к Бауэрам, а детей, конечно нет. Вот эта Эмма каким-то образом сумела нас с Лёней вывезти, якобы в другой лагерь, а привезла к маме! Это чудо.

Работа

Когда мы встретились, я даже ночью просыпалась в слезах. Мне снилось, будто нас опять куда-то увозят от мамы. А Лёня после этого много лет по ночам вскакивал, рвался бежать. А нам трудно было его успокоить.

Там мы жили в двухэтажном кирпичном бараке кирпичном на первом этаже, с украинской семьей. В основном здесь были поляки, а на втором этаже жили пленные французы-мужчины. Все работали на этого хозяина. Хозяйство большое. Дом хозяина в саду, обнесенном большим забором.

Наш барак и хозяйственные дворы расположены по кругу большой площади, по центру которой стояла высокая голубятня. Все это тоже за забором. По этой территории мы могли ходить, но не за неё. Нас, подростков заставляли подметать эту территорию и поливать кусты.

Взрослые работали в хоздворах и в поле. Пахали землю на волах и занимались посадкой овощей. Взрослым давали талоны на овощи, хлеб и маргарин, да еще на крупу. На нас, детей, не давали. Конечно, этого нам было мало, кушать всегда хотелось.

Однажды, при посадке картошки мама спрятала несколько штук под одежду. Надзиратель заметил и по-доброму предупредил. Это осталось между ними. Мама долгое время боялась, что он её выдаст. Ведь всех об этом предупреждали.

Здесь мы находились до весны 45го года. Мне уже было 11 лет. По утрам я убиралась в помещении, где мы жили. Топила углем печку, варила супчик, стирала, и Лёня помогал: носил уголь, воду.

Потом шли на нашу работу. После того как выгоняли волов со дворов, оставалось много того, что надо было убрать. Что мы и делали до вечера. Вечером мы разговаривали.

Нас было четверо и соседей семь человек. Они рассказывали о себе, мы тоже. У нас не было ни книжек, ни карандашей. Мы только разговаривали, вспоминали небольшой кусочек довоенной жизни, рассказывали сказки из небольшого багажа. Общались с польскими детьми. Хорошо разговаривали по-польски, лучше, чем на своем языке. У меня была подружка Марица. Иногда даже песенки пели: «Пшилечеу пташек за Львова ...!»

Появились слухи, что наши войска продвигаются, приближаются. Немцы стали волноваться. Наш хозяин стал готовиться отъезду. Выбирал себе сопровождающих. Никого не принуждали. Соседи, украинская семья, собирались тоже. Большинство поляков и мы остались. Хозяину уже было не до нас. Кроме хозяйства Бауэра здесь было много частных домов. Просто раньше мы этого не видели. Эти частники все побросали и подались в бега.

Наши

В один из вечеров к нам пришли три человека в немецкой офицерской форме. Оказалось, что это наши разведчики, так как утром мы увидели наших солдат. Стрельбы никакой не было. Наша воинская часть, или как там, располагалась от нас в километрах двух-трех. К нам пришел офицер с несколькими солдатами. Собрали всех оставшихся и распределили частные хозяйства, где остался скот, чтобы за ним был закреплен уход.

В один из вечеров мама с Сашей пошли доить коров, кормить, убирать во дворе и увидели в саду этого хозяйства двух немецких солдат. Быстро ушли оттуда и Саша вместе с польским мальчиком Стефаном побежали сообщить нашим солдатам. Им навстречу попались два наших офицера. Ребята рассказали. Офицеры взяли ребят, чтобы показать место. Ребята предупредили, что за этим

участком вблизи лес и неизвестно, сколько там немцев. Но ребятам было велено вести их.

Когда они проходили мимо нашей территории, мама окликнула Сашу. Она боялась, что там будет стрельба, причем, видела, что пошли всего два солдата. Когда началась стрельба, ребята прибежали домой. Взяли велосипед и погнали в военную часть за подмогой.

В это время к нам прибежал один из тех офицеров, разъяренный. Скомандовал, чтобы все вышли из барака. Подозвал к себе русскую, то есть маму и начал орать. Он обзывал её разной бранью: “немецкая ...”. Она якобы не хотела, чтобы показывали немцев.

Он наставил на маму пистолет. Поляк-старичок подбежал и ударил по руке офицера. Произошел выстрел в сторону, а больше пули не оказалось. Тогда офицер ударил пистолетом маму по лицу, и она упала в лужу. Все стонали, дрожали.

А к нам приехали на машине несколько солдат, этого взяли в машину. Он оказался пьян. Когда стрельба закончилась, вернулись наши солдаты, и мы узнали, что второго офицера они нашли убитого. Еще были ранены наши двое, а немцев убили пятерых.

Польша

Нам было очень страшно там оставаться. Мы и еще две польских семьи в эту же ночь запрягли волов и уехали в сторону Польши. По дороге случалось всякое. Видели разбитые немецкие повозки, разбросанные вещи, кровь. Встречали каких-то людей – мужчин в гражданской одежде. Они отобрали у нас продукты, а больше ничего и не было. Это была ранняя весна 1945 года, март. Наши волы стерли себе ноги. Мы уже были в Польше.

Ночевали в доме польской семьи. Оставили им вола, а хозяин на лошадке отвез нас на сборный пункт. Он знал, куда сгоняли коров, оставленных немцами, которых потом отправляли в Россию. Это было под Краковом. Здесь уже был порядок. Нас поселили в дом, где были семьи, освобожденные от немцев: много русских, югославы, поляки.

Здесь был какой-то пункт отправления населения, освобожденного от оккупации, на родину в Россию. Пока проходила эта организация, все кто здесь временно находились, ухаживали за коровами. Коровы стояли в загоне под чистым небом. Женщины их доили, иногда прямо в землю, больно смотреть. Молоко некуда было девать.

Мы там прожили до дня победы. Молоком опивались. Помогали кормить коров. Рвали зеленые ветки, траву. Коровы долго не задерживались. Одну партию отправляли, другая появлялась. Здесь мы встретили победу. Услышали на улице автоматную очередь. Так испугались! Думали, опять началось. Услышали голоса: «Победа!»

Ой, что было! Крик, визг, плач. Мама не плакала, она просто рыдала. На улице сыграл военный духовой оркестр. Солдаты нас подкидывали, целовали и тоже плакали. Все кричали: Ура! Победа!

Вскоре, всех живущих в этом доме зарегистрировали, документов у нас на руках не было. Опросили, кто, откуда, куда отправлять. Можно было остаться, хотя бы временно, здесь; нас не принуждали уезжать. Но пока еще никто не знал, что будет потом.

У нас решали мама и старший брат Саша. Ему было уже 16 лет. Они сказали: «Только домой». А дома-то уже давно не было. Не знали что с отцом, где он.

Домой

И вот, нас отправляют к себе на родину. Мы знали, что нас там никто не ждет. Везли на Москву. Помню Пилау. Помню ст. Дно. Там проверяли, что везем. У некоторых вещи отобрали. У нас отбирать нечего. Пассажирским поездом доехали до Киева, оттуда на Москву. И вот мы в Чудове.

Это районный город. Он разрушен не полностью. Разбит вокзал, спичечная фабрика «Пролетарское знамя», завод стекольный «Восстание». Короче, большой процент. Мы стали искать знакомых мамы, и не надеялись, что родственники живы.

Однако нашли тетю Паню и нашу бабушку Машу, которые продержались в Чудове. Жили они в маленькой комнатухе частного дома Сметаниных на улице Большевиков. Они нас временно приютили. Какая же была радость. Но! От них мы узнали, прошел слух, что папа наш расстрелян немцами. Мама несколько дней лежала. Она не плакала, смотрела в одну точку. Предлагали поесть, что было, она только пила воду, сказала однажды: «Водки бы мне!». Не знаю, стала бы она пить, но просто не было водки. Потом мама встала и сказала: «Давайте начинать жить заново». И начали.

Нашли местечко для жилья в чулане у Евгении Гивеллер на ул.Большевиков. Опять двойные нары, окошечко и печка. Это был июнь месяц 1945 года.

Восстанавливали вокзал, заработала железная дорога, ходили поезда. Мама устроилась работать на переезд. Открывала вручную шлагбаум. Саша поступил в ремесленное училище города Боровичи. Взяли только на шахтера по причине, что мы вернулись из Германии. Мы с Лёней пошли в начальную Востанскую школу в первый класс. Мне 12, Лёне 9 лет.

Ноябрь 1946 года. Мама ушла на работу в ночь с 20 часов до 8 утра. К нам пришла ночевать бабушка. Утром мы ушли в школу. Придя из школы, мы не застали маму дома, она не пришла и вечером. К нам пришла тетя Паня, она тоже работала на железной дороге стрелочницей. Тетя сказала, что мама заболела, и её положили в больницу. А случилось непоправимое. Мамы не стало 29 ноября 1946 года, она не умерла, она погибла на рабочем месте. Подробности описывать не буду. Есть свидетельство о смерти.

После смерти мамы мы остались под опекой тетушки-крестной Пани и бабушки Маши. (В 1952 году Лёня поступил в Ломоносовское мореходное училище. Я уехала в Ленинград).

Как мы жили в эти трудные первые послевоенные годы трудно вспоминать. Жить негде, ели: очистки, отруби, жмых. Тетя работала полуголодная, зарплата её мизерная, наши пенсии низкие.

Сестра отца, а значит тетя

В те годы мать нам заменила

Ей было трудно на работе

Но хлеб свой поровну делила.

Позже нам выдали свидетельство о смерти отца, который был расстрелян немцами в 1941 году. Дальше я пишу о последствиях войны. Какие беды они причинила нашей стране и лично моей семье и мне. А продолжение о моей жизни более подробно в другой книге. Там много личного.

Пожелание молодому поколению

Я прошу вас, родные мои, обратите внимание

Вы услышите меня и мои пожелания!

Чтоб потом не жалеть, не страдать и не каяться,

Прежде, чем что-то свершить, включить голову полагается.

Будьте выдержаны в любой ситуации.

2014-2015гг

**Воспоминания записали и оформили
Катерина Меленцева и Павел Никулин.**